

kračují popisy, záznamy, výklady a závěry autorčiny hranice města a přispívají k řešení problematiky šife regionální, ba celočeské.

Spis vznikl jako lingvistické zpracování jazykového materiálu získaného ze záznamů mluvených textů (termín text je zevrubně definován) běžné mluvy (tentokrát) střední generace (tedy sociálně produktivní generace, již se rovněž nejvíc týkají jazykové interference) města Havlíkova, vlastně města na okraji česko-polského nářečního pásu. Je volným pokračováním výzkumů publikovaných v šedesátých a sedmdesátých letech: v podstatě tedy běží o proměny v mluvě téže generace po dvaceti letech, jakkoli jednotliví respondenti titíž být nemohou. Části studie byly už dříve publikovány, a tedy posouzeny odbornou veřejností. Spis obsahuje předmluvu, výběrovou odbornou literaturu, anglické resumé a tyto dvě hlavní kapitoly:

První kapitola přináší pojmoslovný rozbor útvarů českého národního jazyka a sleduje jejich postavení v komunikaci na zkoumaném území. Autorka se k této pojmoslovné syntéze kvalifikovala důkladným skriptem, jež je po Kellnerově Úvodu do dialektologie z doby poválečné novou syntézou. V interpretacích cizích názorů se na několika místech vyskytuje termín forma, který mezi útvarem a funkčním stylem nebývá vždy definován. To by snad autorka mohla kriticky vytknout. Pojem střední vrstva, máme-li na mysli vztahy strukturální, zní příliš sociologicky. Snad by stálo za to podotknout, že proti diglosii působí vytváření jednotné mluvy — jako třeba v případě obecné češtiny v Čechách. Za hlavní rys primární mluvenosti považuje autorka správně závislost na komunikační situaci, někdy píše o situativnosti. K interpretaci názorů Utěšeného bych dodal, že autor doporučuje termín běžná mluva.

Badatelské jádro monografie je obsaženo v kapitole Variantní tvary zájmen v mluvě střední generace města Havlíkova. D. Davidová v ní doplňuje volná místa v našem poznání jazykové situace ve Slezsku a na severovýchodní Moravě, a to způsobem povytce objektivním, tedy i přesvědčivým. Přitom do své argumentace musí zahrnout varianty sociální, místní vlivy analogií a důsledky více nebo méně prestižního charakteru jazykového prostředku. Objasňuje zápolení jazykových variant podmíněné vlivy sociologickými, psychologickými i komunikačními, a to v interakcích v městě s obyvatelstvem stále ještě ne zcela sourodým. Přitom autorka prokazuje, že i velmi složitá situace mívá jasné příčiny.

V celku má studie význam pro poznání dynamiky národního jazyka v současnosti, obohacuje naše poznání mluvené komunikace a v neposlední řadě přináší ne jeden podnět k rozvíjení teorie národního jazyka.

Autorka dává k dispozici podrobné tabulky znaků nářečních, interdialektických, celomoravských, hovorových (existenci hovorové češtiny na severovýchodní Moravě a ve Slezsku — vlastně regionální variety spisovné češtiny — prokázala D. Davidová už dříve) a akribicky zde uvádí počty prvků ve výše uvedených typech projevů, tak např. 36 prvků tradičního teritoriálního dialektu v projevech neoficiálních — neveřejných, zato v opačném pólu v projevech oficiálních — veřejných toliko 10. Oprávněně soudím, že studie D. Davidové představuje nejvšestrannější rozbor jazykové situace, jaký zatím v češtině máme, a to v důsledku podrobných poznatků založených na novém terénním výzkumu a na jasné metodice. Závěry pak představují přínos pro obecnou jazykovědu, neboť zásadně sledují vztah lokálních a regionálních variet k útvarům celonárodním, což se dnes stalo prvním požadavkem na dobrou dialektologickou práci.

Jan Chloupek

Ясаи, Ласло, Лекции по глагольному виду. (Специальный курс для студентов-русистов). Nemzeti Tankönyvkiadó, 1993, 84 стр.

Пособие доцента будапештского университета состоит из предисловия, десяти глав и заключения. В предисловии указывается, что целью данного пособия является «краткое описание функциональных особенностей вида в свете новейших исследований и способствовать более углубленному познанию сложного механизма данной категории... В пособии рассматриваются актуальные вопросы русского

глагольного вида с учетом некоторых «новых открытий» аспектологии, с ссылками на «последнее слово» науки, а также с приведением данных из исследований самого автора. Темы разработаны, во-первых, селективно, внимание сосредоточено на определенных явлениях, и, во-вторых, в общедоступной интерпретации» (5, 6).

1. **Аспектуальность**, по мнению автора, обозначает «характер протекания и распределения действия во времени», который выражается морфологическими, словообразовательными, синтаксическими и лексическими средствами (стр. 7). Грамматическим ядром аспектуальности является глагольный вид, находящий свое выражение в «грамматическом противопоставлении двух форм: СВ с признаком целостности действия (т. е. закрытости внутренней временной структуры действия) и НСВ с невыражением этого же признака» (7). Вне центра аспектуальности находятся способы действия, которые являются морфемно выраженными или формально не выраженными семантическими группировками глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия (8). В связи с этим предлагается вниманию автора следующее: Внутри аспектуальности целесообразно выделить три подкатегории, которые отличаются друг от друга по степени абстракции и средствам выражения: а) лексическую категорию **акционального динамизма**, б) лексико-морфологическую категорию **вида** и в) словообразовательную категорию **способов действия**.

По акциональному динамизму все глаголы (или только их отдельные значения) делятся на статические и динамические. Статические глаголы характеризуются внутренней неподвижностью денотативно-понятийного значения, отсутствием в них возможности возникновения какого-л. внутреннего предела. Они являются абсолютно одновидовыми глаголами НСВ. В лексическом значении динамических глаголов могут возникнуть разные пределы. В русском и венгерском языках они обычно имеют неопредельные и предельные видовые пары, способы действия, в английском языке — непрогрессивные и прогрессивные видо-временные формы.

Способы действия в современной лингвистике все чаще рассматриваются как словообразовательные модификации денотативно-понятийного содержания исходного действия во временном, количественном или специально-результативном отношении.

Аспектуальность является в основном категорией слов. Если бы мы признали синтаксические средства образования аспектуальности, тогда все обстоятельства внутренней характеристики образовали бы разные способы действия. В предложениях типа *Сегодня я плавал / поплавал немного*, например, оба глагола ограничены временным пределом и мы должны были бы рассматривать их как глаголы СВ.

2. Во второй главе рассматриваются **частные и общие значения видов**. При формулировке общего значения видов для Л. Ясаи наиболее приемлемой (или наименее уязвимой) является *теория целостности действия СВ* (11), НСВ же оставляет признак целостности невыраженным (13), т. е. маркированность СВ и немаркированность НСВ, называемая *привативной оппозицией*. «Целостность означает неделимость действия СВ с точки зрения его протекания во времени. Формулируя иначе: СВ имеет закрытую (неделимую) внутреннюю темпоральную структуру, говорящий рассматривает действие как бы извне, воспринимая его как одно целое» (11). Мне не совсем ясно, например, что в предложениях типа *Вчера он весь вечер говорил/проговорил с ней* рассматривается внутренняя темпоральная структура одного и того же действия в одном случае неделимой, в другом — делимой и как рассматривать эти действия извне и изнутри. Оба действия предложений *Он вёз/довёз меня до вокзала* кажутся целостными, в предложениях же типа *Ветер подул и дул три дня* глаголы СВ и НСВ вместе составляют одно целое действие. На стр. 8 Ясаи правильно указывает, что «глаголы СВ всегда предельны, т. е. протекание действия, обозначаемого ими, всегда ограничено каким-либо пределом» (точнее: каким-л. **внутренним** пределом). Наше понимание предельной семантики однако несколько отличается от того ее понимания, которое имеется в работе Ясаи. По мнению Ясаи, предельная семантика значит: «действие рассматривается с точки зрения направленности к своему внутреннему пределу (НСВ), с достижением которого оно прекращается (СВ)» (8). В глаголах НСВ

не всегда имеется направленность к своему пределу, глаголы СВ же часто содержат такие пределы, с достижением которых действие не прекращается (*Как ты вырос?*). Начинательные глаголы СВ обозначают исходный предел направленности действия, ограничительные глаголы же не обозначают направленности действия, одноактные глаголы типа прыгать – прыгнуть противопоставляют итеративные и одноактные действия. (Ср. примечание Ясаи на стр. 9.)

3. В главе **Механизм видообразования** детально показан сложный механизм образования вида. В связи с этой главой у нас имеются три маленьких замечания: 1) Кроме видовых троек иногда возможны и «видовые четверки», даже «пятерки» (?): *готовить (обед) – приготовить – приготовить* («пятым членом»?) оппозиции форм мог бы стать разговорный стилистический вариант СВ *сготовить*). 2) Жаль, что автор не обращает внимания на изучение возможных стилистических вариантов. Так, напр., венгерскому бинарному противопоставлению *próbat/felpróbat (ruhát)* в русском соответствует «семерка» (?): *мерить* (и разг. *мерять*) одежду, обувь – *примерить, померить* и (разг. *померять*) – *примерять* и *примеривать*. Следует еще отметить, что в словаре Ожегова варианты *мерять, померять* не имеют форм инфинитива, возможны только в личных формах *меряю, меряешь...*, *померяю, померяешь...* В словарях Ушакова и МАС однако имеются и инфинитивы этих глаголов. Ради справедливости следует отметить, что в работе Л. Ясаи спорадически встречается понятие «морфологические дублеты» (напр., стр. 20), однако он не занимается проблемами дублетов детально. Судя по словарям формы *косить – скашивать* также являются языковыми дублетами. 3) Глагол *кричать* имеет значения «издавать крик» и «издавать крики» (ср. *kíált, kiabál*), поэтому этот глагол тоже может иметь значение внутренней многократности (ср. стр. 18): *Во дворе мальчишки кричали очень громко. По утрам около нашего дома громко кричали вороны.*

4. В главе **Проблема видовой парности** автор верно подчеркивает, что «объединенные в видовую пару глаголы не различаются семантически ничем, кроме значения вида», т. е. «СВ отчетливо выражает действие как целостное, НСВ оставляет этот признак не выраженным» (стр. 22). Мы уже указали, что оперировать понятием целостности не всегда легко. На вопрос *Какая разница между предложениями Я читал/прочитал эту книгу. Я смотрел/просмотрел этот фильм?* часто дается ответ, что предложения с НСВ имеют значение «недочитал книгу», «недосмотрел фильм». (Фактически в таких случаях оба вида выражают «целостное действие».) По мнению Ясаи, «признание возможности чистой перфективации не должно означать того, что разнотипные пары, возникшие в двух основных процессах видообразования (префективации и имперфективации) функционально равнозначны» (23). Нам кажется, что в основных значениях видов суффиксальные видовые пары и видовые пары, образованные с помощью чистовидных приставок, функционально равнозначны. Расхождения имеются в частновидовых значениях, кроме того «исходный глагол НСВ может префективироваться и разными префиксами – либо в одном лексическом значении (*хоронить – похоронить/схоронить*), либо в разных значениях...» (24). Л. Ясаи забывает о том, что один и тот же исходный глагол также может имперфективироваться и разными суффиксами – либо в одном лексическом значении (*подготовить – подготавливать/подготавливать, прилепиться – прилепляться/прилепливаться, завернуть – завертывать, заворачивать*), либо в разных значениях (*приложить – прикладывать руку к сердцу и приложить – прилагать справку к заявлению, присесть – приседать на корточки и присесть – присаживаться к столу в тени*). Суффиксальная видовая парность для нас вовсе не представляется такой «идеальной», как некоторым лингвистам (ср. 23). Л. Ясаи считает, что бесприставочные глаголы НСВ не употребляются в конструкции *за + вни. пад.* при выражения повторяемости действия, если они образуют видовую пару префиксацией: **Я каждый раз писал сочинение за 10 минут* (вместо нормального *писал 10 минут* или *успевал написать за 10 минут*) (22). Это обычно так, но – встречаются примеры и с бесприставочными глаголами (в первую очередь в форме наст. времени. Ср.: *Сегодня в один день мы сделали столько, сколько мы обычно*

делаем за два дня. Доклад я успеваю написать за три недели, а курсовую работу пишу обычно за 2–2,5 месяца (М. В. Всеволодова, Г. Б. Потапова, Способы выражений временных отношений. МГУ, 1973, 71). *Обычно я успеваю пообедать (или обедаю) за 25 минут* (Там же).

Возможность/невозможность употребления глагола НСВ в настоящем историческом на месте СВ нам не представляется в такой степени надежной проверкой критерия семантического тождества коррелятов видовой пары, как это кажется многим. Настоящее историческое можно употреблять и на месте разных способов действия СВ и на месте глаголов НСВ.

Л. Ясаи указывает, что «однаправленный бесприставочный глагол НСВ при наличии указания цели движения не может выступать в значении общефактического действия (ни в одном из его разновидностей)» (28). В работе нет указания на то, могут ли однаправленные глаголы употребляться без указания цели движения в общефактическом значении. На странице 41 автор ссылается на М. Я. Гловинскую, которая различает общефактичность в трех разновидностях: а) результативное общефактическое, б) двунаправленное общефактическое, в) нерезультативное общефактическое. Из этого следует, что в общефактическом значении употребляются глаголы неоднаправленного движения: *Ты когда-н. ходил по этой улице? Ты уже ездил в Москву? Я никогда не летал на самолете*. Глаголы однаправленного движения возможны в повествовательных предложениях при конкретизации однаправленного характера трассы движения. Ср.: *Тогда я в первый раз летел/летал по этому маршруту. Я раз шел по этой тропинке и нашел белые грибы. Ванька продолжал рассказ о том, как его отец когда-то ехал волоком между деревней Низовской и починком Шибаев Двор* (В. Тендряков, Чудотворная).

5. Глава **Трехчленные корреляции - видовые тройки** является наиболее интересной частью работы. Автор различает две группы видовых троек: группу переходных глаголов (*читать – прочитанье – прочитываю*) и группу инхоативных глаголов (*слабеть – ослабеть – ослабевать*). Мы дополнили бы видовые тройки и группой глаголов движения типа *Я шел до школы десять минут. – Я дошел до школы за 10 минут. – Я всегда дохожу до школы за 10 минут*.

6. В главе **Соотношение видов с лексическим значением глагола** обращается внимание на роль лексического значения глагола в функционировании видов. Признается, что *неполная семантическая соотносительность по виду* отмечается и для многозначных пар, образованных имперфективацией, указывается на возможные изменения в соотносительности видовой пары при переносном употреблении глаголов. Так, напр., глаголы *бежать, убежать* в основном значении не вступают в видовую пару, в переносном же значении, если речь идет о молоке, возможна соотносительность троек: *Молоко бежит/убежает – убежало* (стр. 45). Обращаю внимание автора на такую возможность образования видовой пары, когда в многозначных глаголах третий член не совпадает: *гасить – погасить – погасить* «тушить», *гасить – погасить – погашать* «делать не действительным для дальнейшего употребления» (44), (см. МАС).

7. Глава **Просто ли понимать венграм употребление «простого» будущего?** посвящена проблематике употребления настоящего времени глаголов НСВ в значении будущего времени. В венгерском языке формы настоящего времени почти без какого-л. ограничения могут быть употреблены для обозначения будущих действий. В Гр-80 (§ 1506) называются две разновидности настоящего при обозначении будущих действий: *настоящее время намеченного действия и настоящее время воображаемого действия*. Л. Ясаи занимается только первой разновидностью, давая подробный анализ возможности и невозможности употребления настоящего времени разных семантических групп глаголов в значении будущего. Аргументация автора в этой главе является самой убедительной.

8. В главе **Можно ли считать вид чисто грамматической категорией?** выражается сомнение автора в чистой грамматичности вида, так как «оголщенный» вид, очищенный от лексических элементов» не существует. (В скобках отмечаем, «чисто граммати-

ческая категория» не существует, даже склонение существительных иногда в какой-то степени зависит от значения. Ср. особенности склонения некоторых групп собственных имен, одушевленных и неодушевленных существительных, названия месяцев склоняются по мягкому мужскому склонению). Мы вполне согласны с автором, что вид в «чистом виде» существует только теоретически (61).

9. Последние две главы (Вид в неславянских языках и вид в русско-венгерском сопоставлении) можно было бы объединить. Точка зрения Л. Ясаи, согласно которой «вид» (аспект, *aspektus*) в венгерском языке (и вообще в других языках) может быть выделен» (64) нуждается в маленькой модификации: характер протекания действия во времени так или иначе выражается во всех языках, но не обязательно категорией вида. В финском языке, например, *партитивный падеж* является основным средством выражения характера протекания действия во времени. Обращаем внимание автора на поразительное совпадение *общей* системы русской и венгерской видовой оппозиции. Ср.:

Парные глаголы:

1. во всех значениях: слать – послать, *küld – elküld*

2. не во всех значениях: писать – написать письмо, Карандаш не пишет.
ír – megír egy levelet, A ceruza nem ír.

Непарные глаголы:

1. двувидовые глаголы: дублировать, *szinkronizál, fertőtleníti*,

2. одновидовые глаголы:

– только НСВ: зависеть от кого-чего-н., *függ vkitől, vmitől*

– только СВ: зачитаться, *belemerül (az olvasásba)*.

Нам кажется, что изучение русской видовой системы и ее сопоставление с венгерской облегчается, если *качественный, количественный и модальный аспекты* функционирования отделяются друг от друга. Наибольшие расхождения в употреблении видов между двумя языками встречаются в количественных и модальных аспектах. В книге Л. Ясаи подняты и на высоком научном уровне решаются почти все (проблемы *таксиса*, к сожалению отсутствуют) теоретические и практические проблемы функционирования видов.

*Иштван Пете
(Сегед)*

Moser, M.: Der prädikative Instrumental. Aus der historischen Syntax des Nordostslavischen. Von den Anfängen bis zur petrinschen Epoche. Europäische Hochschulschriften. Reihe XVI. Slavische Sprachen und Literaturen. Bd. 45. Peter Lang — Europäischer Verlag der Wissenschaften, Frankfurt am Main — Berlin — Bern — New York — Paris — Wien 1994, 290 s. (ISBN 3-631-47797-X).

Autorem recenzované monografie je mladý rakouský rusista a slavista Michael Moser, asistent Ústavu slavistiky univerzity ve Vídni. Recenzovaná práce je výsledkem několikaletého bádání. Rozebírá se v ní problematika vývoje predikativního instrumentálu od nejstarších dob až do začátku XVIII. stol. Pro označení východoslovanské jazykové větve užívá M. označení „Nordostslavisch“. Tento termín převzal od svého učitele, nedávno zesnulého em. profesora vídeňské univerzity F. V. Mareše (viz jeho článek *Die Tetrachtomie und doppelte Dichotomie der slavischen Sprachen*. WSljB 26, 1980, 33–45). Ve staré ruštině (obdobně jako na úsvitu vývoje ostatních slovanských jazyků) byla substantiva a adjektiva v platnosti jmenného přísudku a doplňku častěji než dnes v nominativu: pravidelně se tohoto tvaru užívalo k vyjádření hodnocení, zařazení, stálého stavu nebo vlastnosti. Byl to pozůstatek dřívější situace, kdy ve slovanských jazycích ještě nebyl